

Освоение русского языка иностранцами в конце XVI—XVII вв.

Л.Н. Пушкарев

История освоения русского языка иностранцами в XVI—XVII вв. до настоящего времени исследована недостаточно¹. В основном обращалось внимание на приобщение русских людей к западной культуре и западноевропейским языкам. А между тем этот процесс был взаимным. Все больше иностранных купцов, военных, всевозможных специалистов и просто путешественников прибывало в нашу страну с конца XVI — в XVII веке. И прежде всего они естественно нуждались в знании русского языка. Как отметил М.П. Алексеев, в это время иностранцы больше изучали русский язык, нежели в последующие два столетия, когда знание иностранных языков в России не было таким уж исключительным явлением².

Пионерами в исследовании этой проблемы были лингвисты. Из дореволюционных ученых особенно ценна большая статья И.Х. Гамеля³, который обнаружил в английских библиотеках и архивах интереснейшие документы (многие из них до настоящего времени полностью не исследованы!) о первых англичанах, изучавших русский язык, а также рукописные и печатные русские книги, попавшие в Англию в XVI—XVII вв. и служившие основой для знакомства с русским языком.

Основательно изучил эту проблему М.П. Алексеев⁴, введший в научный оборот новые данные об иностранцах, многие из которых начинали изучать русский язык еще у себя на родине. В дальнейшем Алексеев исследовал «Азбуковник» середины XVII в., в котором были помещены словарики, азбуки, прописи и небольшие разговорники английского и голландского языков. Эти пособия составлялись русским посадским человеком с помощью какого-то иноземца⁵. Европейские правительства и богатые купцы, торговавшие с Россией, посылали молодых людей в далекую Московию. Правительствам нужны были грамотные и знающие переводчики, а купцам — торговые агенты, знавшие и язык, и страну.

В 1573 г. Иван Грозный писал шведскому королю: «...а ваши толмачи (переводчики. — Л.П.) преж сего у нас в нашем государстве нашей русской грамоте учивались же»⁶. В 1595 г. русские послы напоминали датскому королю, что «многие» датчане приезжают в Москву «для торговли и науки руссково языка и грамоты и всяких дел, живут по всем местом в поволности и во чти (в чести. — Л.П.), и в береженье лет по пяти и по шти и болши, и назад к себе ездят без всякие зацепки, а неволи им никакие нет»⁷. О том же гово-

---

Пушкарев Лев Никитович — доктор исторических наук.

рилось и в наказе русским послам А.И. Зюзину и дьяку А. Витовтову, посланным в Англию в 1613 г.: «И как началась с английской королевою Елизаветой и с нынешним королем любовь и дружба, а с тех мест и по ся мест с аглинскими гостями малые робята для науки руского языка в грамоте бывали, и задержанья им и причины об них никакие не было, живут в науке лет по шти и по десяти, и приезжают, и отъезжают по воле»⁸.

В XVII в. приезды иноземцев в Россию с целью поучиться русскому языку становятся уже обычными. Пограничные воеводы получают даже специальные предписания о беспрепятственном пропуске таких лиц без предварительного запроса правительству (как это практиковалось ранее в подобных случаях). Такое указание было дано, например, новгородскому воеводе князю Д.М. Пожарскому 19 февраля 1629 г. в ответ на его запрос: принимать ли иноземцев, «которые учнут впредь, приезжая в Великий Новгород, бити челом нам о ученье русской грамоты». В ответном указе ему предписывалось всех иноземцев, приезжавших «для науки руския грамоты», принимать, за исключением перебежчиков, а велеть «их учить русской грамоте на посаде церковным дьячком», а когда они захотят возвратиться на родину, отпускать беспрепятственно. Из этого же указа мы узнаем, что предшественники кн. Д.М. Пожарского новгородские воеводы кн. Г.П. Ромодановский и кн. И.И. Одоевский оставляли в Новгороде обучаться русскому языку приезжавших для этой цели иноземцев, но испрашивали в каждом случае разрешения на это правительства. Так, в 1624 г. было разрешено учиться русскому языку в Новгороде торговому иноземцу «Любския земли»⁹ Анцу Меверту и Пантелею Федорову из Колывани (Ревеля). В 1628 г. получили разрешение «учиться русской грамоте» в Новгороде торговые иноземцы также «Любския земли» Пантелей Филимонов и Мартын Андреев, а также Андрей Борисов из Выборга: в 1629 г., как сообщал новгородский воевода, они жили в Новгороде и учились «русской грамоте» на посаде у церковных дьячков¹⁰.

В марте 1629 г. шведские послы однако жаловались, русскому правительству, что новгородские власти чинят препятствия шведским подданным, посылавшим своих детей в Новгород «для наученья языку и грамоте, и письма, а в том де им запрещают и впрямь в том отказывают». В Посольском приказе к этой статье была сделана помета: «О том государев указ послан, и ныне по тому государеву указу учинить»¹¹. Очевидно, здесь подразумевался указ князю Д.М. Пожарскому от 19 февраля 1629 года. А.С. Мулявин считает, что этот указ был первым общим распоряжением правительства о разрешении иностранцам приезжать в Россию учиться русскому языку¹².

В дальнейшем приезды иностранцев в Россию для обучения русскому языку участились. Так, в 1633 г. в проезжей грамоте, выданной нарвским воеводой Н.А. Маннершильдтом стокгольмскому торговому человеку А. Мейеру на право проезда в Новгород, говорилось, что он «едет в Новгород для торговли и для ученья руского языка»¹³. Центрами, где шло обучение иностранцев, были, кроме уже упоминавшегося Новгорода, также и Москва, Псков, Кола (Кольский острог), Холмогоры и Архангельск.

В 1592 г. копенгагенский бургомистр Петр Муни отправил в Колу к купцу Василию 16-летнего юношу для обучения русскому языку¹⁴. По предположению Алексева, в Кольском остроге учился русскому языку также и агент «Английской компании» Джосиян Логан, приехавший туда в 1603 г. и пробывший там пять лет. Приобретенные знания помогли ему в дальнейшем в сборе сведений о северо-восточных русских землях и торговых путях в Китай¹⁵. В 1628 г. голландский купец Симон Артемьев просил оставить в Кольском остроге изучать русский язык своего племянника Якова Петрова¹⁶. С просьбами о разрешении обучаться русскому языку на Коле не раз обращались к русскому правительству в XVII в. датский король и его послы. Так, в 1630 г. король просил разрешить датским купцам послать в Колу четырех или пятерых мальчиков обучаться русскому языку¹⁷, а в 1619 г. датские купцы оставили в Коле «двух робят учиться русской грамоте»¹⁸. В 1592—1593 гг. шла переписка между датским королем Христианом IV и царем Федором

Ивановичем о двух датских мальчиках, оставленных с согласия властей в Холмогорах изучать русский язык¹⁹.

Об обучении иноземцев русскому языку в Архангельске, где сосредоточивалась большая часть торговли с иностранцами в XVII в., сведений почти не дошло. Правда, известно, что именно здесь были написаны в 1586 г. французско-русский словарь (так называемый «Парижский словарь московитов») и русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса в 1618—1619 гг., но авторы этих словарей не проходили здесь курса обучения. Есть лишь одно свидетельство об изучении русского языка в Архангельске: в 1637 г. немецкий переводчик Иван Англар, назначенный Посольским приказом в Архангельск для переводов и «толмачества», взял с собой из Москвы сына умершего переводчика Тимофея фан-Немана «для наученья руского языка и грамоте»²⁰. Возможно, что воспитание осиротевшего мальчика он взял на себя.

Но главным центром изучения иностранцами русского языка была, конечно, Москва, где имелись многие необходимые для этого условия: и большое число иностранцев, проживавших постоянно в столице (в том числе и хорошо владевших русским языком), и царских переводчиков, и необходимые учебники, а также налаженные связи с русскими, помогавшими иностранцам. Как явствует из письма датского посланника в Россию З. Фелинга, в 1564 г. в Москве жили уже «датские ребята», оставленные здесь последним датским посольством специально для изучения русского языка²¹. Известно также, что в 1600 г. агент «Английской кампании» Джон Мерик увез через Архангельск за границу француза Жана Паркете и англичанина Ульяна Колера, которые «на Москве учились рускому языку»²². А в том же году дьяк А.И. Власьев привез в Москву из Любека голштинца Анца (Ганса) Лаксману (или Лакмана, Лаксмана), пожелавшего «навыкнути рускому обычаю и языку». Лаксман прожил в Москве шесть лет и так научился русскому языку, что сам смог написать челобитную об отпуске его на родину. В те же годы у Власьева жил «Бажен французанин». Когда в 1617 г. Лаксман снова пожелал приехать в Россию, то датский король Христиан IV писал царю Михаилу Федоровичу, что Лаксман «вашей милости кесарство и землю, и язык знает»²³.

В 1618 г. с грамотой датского короля был отправлен в Россию «для изучения рускова языка» Яков Петерсен, а через несколько месяцев был послан еще и Могес Петерсен с этой же целью — «с тем, чтобы впоследствии пользоваться им в качестве толмача»²⁴. В 1639 г. посланник датского короля Н. Голмер заявил, что «оставил он малово своего Дацкие ж земли Индрика Ондреева на Москве для наученья «руского языку» у иноземца у Ивана Адамова фан-Делена»²⁵. Последний, очевидно, был не кто иной, как Иоганн Беккер фон-Дельден, родом из Копенгагена, имевший, по утверждению А. Олеария, университетское образование и знавший много языков. В том же 1639 г. оставлен был в Москве голштинским посольством «малой Яганко Брун» «для наученья» русскому языку «у двора Миколаева». В 1684 г. жил в Москве во дворе того же иноземца Ивана Еремеева швед Андрей Николаев, приехавший с посольством «для ученья рускова языка» и оставшийся в Москве после женитьбы на дочери Еремеева²⁶.

Иноземцы из восточных стран могли обучаться русскому языку и совершенствоваться в знании своего родного языка в Астрахани на Бухарском дворе. Так, в 1642 г. была отправлена из Москвы в Астрахань Баки-Септа Абдулова, вдова переводчика Посольского приказа (с арабского и «фарсовского»). Она выехала для обучения двух своих сыновей и мотивировала свою просьбу об отпуске тем, что в Астрахани «кизилбашских, и бухарских, и юргенских людей много, которые арапскому и фарсовскому языку и грамоте умеют». Один из ее сыновей уже жил и учился в Астрахани на Бухарском дворе²⁷.

К сожалению, мы почти ничего не знаем ни об учебных пунктах, где проходило обучение, ни об учителях, ни о самом процессе обучения. Судя по документам, главными учителями были дьячки приходских церквей, учившие также и русских детей. В.О. Ключевский тоже полагал, что именно они

и были главными учителями²⁸. Это подтверждается и тем, что во многих известных нам словарях-разговорниках встречаются многочисленные вставки из текстов Священного Писания и православных молитв. Так, Э. Гюнтер обнаружила это в семи из 15-ти описанных ею разговорниках²⁹.

Способ обучения иностранцев русскому языку путем посылки молодых людей для обучения в Россию не мог уже удовлетворить возрастающие потребности купцов, иностранцев, поступавших на русскую службу. Русский язык стремились усвоить и любознательные путешественники и ученые. Поэтому основная масса иностранцев, пожелавших знать русский язык, обучалась ему самостоятельно у себя на родине по словарям и специальным руководствам, составлявшимся самими иностранцами, а также по вывезенным из России учебным пособиям (чаще всего — рукописным). Это были азбуки, буквари, грамматики, словари, книги для чтения (часословы, часовники, псалтири и проч.). Часть этих справочных пособий сохранилась до настоящего времени во многих библиотеках и частных собраниях Западной Европы³⁰ (в России такая учебная литература, как правило, вообще не хранилась, а быстро заменялась новой).

О том, как ценились подобные «лексиконы» за границей, убедительно свидетельствует такой факт: крупный шведский ученый XVII в. И.Г. Спарвенфельд вывез в конце XVII в. из России большое число рукописей, повез их потом в Рим и преподнес папе Иннокентию XII список со славянского рукописного лексикона. Папа был так удовлетворен подарком, что разрешил Спарвенфельду работать в Ватиканской библиотеке, хотя доступ в нее лютеранам был закрыт³¹.

Стремление практически овладеть русским языком привело к составлению специальных словарей-разговорников. Летом 1586 г. во время месячной стоянки французского корабля в устье Северной Двины в Новых Холмогорах (на месте непостроенного еще Архангельска!) был написан уже упоминавшийся выше «Парижский словарь московитов». Его составил французский капитан Жан Соваж (или, возможно, французские же купцы Колас и Дю-Рейнель, прибывшие из Дьеппа). Этот словарь был написан для практического пользования, отвечая нуждам торговли и официальных сношений. Ответы же записывались «с голоса», непосредственно при общении авторов словаря с русскими людьми из многих слоев общества, прибывших в Холмогоры на ярмарку из разных областей России. Русскую часть словаря французы записали латинскими буквами³².

В конце XVI в. английский врач Марк Раллей составил (для личного пользования) англо-русский и русско-английский словари, расположив в них русские слова в алфавитном порядке и присоединив к словарям краткое грамматическое пояснение³³. Большой словарь-разговорник, составленный немцем Топни Фенне в 1607 г. в Пскове³⁴, предназначался в первую очередь для лиц, ведших торговлю в России. Фенне специально был послан в Россию для изучения русского языка. Его солидное сочинение на 283 листах делится на несколько разделов: помимо немецко-русского словаря в нем имеется также русская грамматика и краткий разговорник. Только часть слов записана русскими буквами, всё остальное (в том числе и разговорник) готическими буквами.

В 1618—1619 гг. в Архангельске и Холмогорах английский ученый Ричард Джемс, прибывший с английским посольством, написал упоминавшийся англо-русский словарь-дневник, причем к отдельным русским словам и выражениям он дал пространные объяснения и примечания. По мнению Б.А. Ларина, русская часть текста этого дневника была записана непосредственно из бесед с окружавшими его русскими людьми. Джемс познакомился с русским языком и письмом еще в Англии. Для передачи звуков русского языка он пользовался английской орфографией, используя также греческие и латинские буквы, а иногда вставляя и славянские. Его труд не имел, видимо, практических целей: в нем нет типичных диалогов и торговых оборотов речи. Записи Джемса, как и тексты из «Парижского словаря московитов», содер-

жат данные, характерные для двух слоев лексики того времени: официальной и просторечивой, бытовой — при этом бытовая речь составляет 9/10 записей Джемса³⁵. В его словаре есть и записи народных песен, которые филологи уже давно используют в качестве важного источника для анализа устного народного творчества того времени³⁵. Образчиком небольшого бытового разговорника является уже упоминавшийся выше и подробно описанный Н.Г. Савич немецко-русский словарь-разговорник Генриха Невенбурга 1629 года. Основное место в нем занимает диалог «Разговор двух друзей».

Приезжавшие в Россию иностранцы оставили в ряде случаев небольшие путевые заметки, содержавшие в числе прочего и словарные материалы. Таковы записи русских слов и описания путешествия в Москву в 1673 г. доктора прав и профессора Арнольда Бранда, прибывшего с бранденбургским посольством. Он внес в свое описание русский счет до пятидесяти, ряд русских слов и названий предметов, непосредственно окружавших путешественника, и простейшие фразы бытового обихода, необходимые в дороге. Его записи поражают своей непосредственностью, живостью, простонародным стилем речи и тщательностью передачи произношения. Скорее всего, кто-то помогал ему в этом — может быть, толмач (переводчик). Русский текст при этом передан латинскими буквами, но легко читается³⁶.

В 1696 г. (или несколько ранее) в Архангельске был составлен нидерландско-русский рукописный разговорник Иоганна фон Гемера. Главная часть его посвящена торговым темам, но встречаются и бытовые разговоры, два бытовых разговорника записаны отдельно, русская часть текста в них передана кириллицей, а частично транскрибирована и латиницей³⁷.

Давно уже известен в науке большой немецко-русский словарь, обнаруженный И.В. Ягичем еще в конце XIX в. в Вене в библиотеке католического монастыря, но словарь этот на 188 листах во время второй мировой войны оказался, к сожалению, утраченным. В свое время Ягич сообщил, что «словарь был составлен в порядке букв немецкого алфавита, причем содержал не только отдельные слова и термины, но и целые идиоматические выражения». Ягич опубликовал лишь небольшие отрывки из этого очень интересного источника. Он полагал, что словарь был написан в конце XVII в. «северным немцем, близким к торговле и долгое время прожившим в России»³⁸. Русский текст в словаре передан кириллицей.

В конце XVII в. появляются первые учебники русского языка специально для иностранцев. Очевидно к этому времени уже в государственном масштабе созрела потребность в планомерном изучении русского языка иностранцами. Первым известным нам изданием подобного рода был русский «Букварь» (по-латыни), изданный в 1690 г. в г. Ниссе (Силезия) чехом-иезуитом Георгием Давидом, который жил в Москве в 1686—1689 гг., когда и составлял свой букварь, используя при этом, как сообщает А.В. Флоровский, «Граматику» Мелетия Смотрицкого — лучший по тому времени учебник русского языка, а также старопечатные словари. Л.В. Черепнин полагал, что Спарвенфельд также передал Давиду какие-то материалы по русской грамматике. Да и сам Георгий Давид хорошо владел русским языком: он так говорил о себе: «Неплохо знает славянский язык, особенно церковно-бogosлужебный». В предисловии к своему букварю Давид писал, что иностранцы «очень просили его опубликовать эту работу для пользы многих»³⁹.

Уже на рубеже XVII—XVIII вв., в 1696 г. в Оксфорде была издана превосходная «Русская грамматика» Генриха Вильгельма Лудольфа — немецкого ученого и путешественника, жившего в Москве в 1692—1694 годы. Он привлек к своему труду славянские грамматики, использовал, в частности, и «Уложение» царя Алексея Михайловича, и сочинения Симеона Полоцкого. Находясь в Москве, он близко сошелся с кн. Б.А. Голицыным и посвятил ему свой учебник, предназначавшийся для тех, «кто захочет научиться разговорному русскому языку... из тех многочисленных иностранцев, которые имеют нужду приезжать в Россию, чтобы оказать помощь тем, кто захочет вступить в беседу с твоим народом». Именно поэтому более половины его

книги занимают разговорные диалоги (пять бытовых и один на религиозную тему). Эти диалоги сопровождаются переводом на немецкий язык (по словам автора, «купцы разных народов пользуются в России немецким языком», он встречал и таких русских людей, которые «изучили латинский и немецкий языки») ⁴⁰. Его грамматика была по достоинству оценена современниками. Отдельные ее части были переведены на английский и французский языки, а последняя ее часть полностью перепечатана в Германии. Знали этот учебник и в России. По сведениям Алексева, он имелся в библиотеке А.А. Матвеева и в других книжных собраниях XVII века ⁴¹. Только в Библиотеке Академии наук в Петербурге хранится три экземпляра этой книги.

Все приведенные выше факты свидетельствуют, что в Западной Европе XVII в. неуклонно рос интерес к России. В Англии, Германии, Нидерландах и Франции эта заинтересованность проявлялась особенно ярко потому, что открытие морского пути по Северному морю способствовало оживлению торговли со страной, богатой дорогими мехами.

Рукописные словари и разговорники помогают исследователям раскрыть, с одной стороны, процесс формирования образа России в сознании европейцев, а с другой — проанализировать первые впечатления москвитов от западноевропейцев, проследить начальный этап сближения двух культур.

Проблема «Россия и Запад» — одна из активно разрабатываемых ⁴². К сожалению решается она, как правило, на показаниях более поздних, относящихся к XVIII и последующим векам. Ранний же период взаимного общения народов и культур до сих пор остается недостаточно освещенным.

Примечания

1. См. об этом также: САВИЧ Н.Г. Из истории русско-немецких культурных связей в XVII в. (Немецко-русский словарь-разговорник Г. Невенбурга 1629 г.). — Исторические записки. Т. 102. М. 1972, с. 246—286; ее же. Изучение иностранных языков русскими в XVII в. — Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. статей. М. 1982.
2. АЛЕКСЕЕВ М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии. — Ученые записки Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Л. 1944. Серия филологических наук. Вып. 9, с. 75—76.
3. ГАМЕЛЬ И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. — Записки Академии наук. Т. VIII, № 1. СПб. 1865. Приложение; Т. XV, № 2. СПб. 1869. Приложение.
4. АЛЕКСЕЕВ М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII—XVII вв. Иркутск. 1941.
5. Его же. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л. 1968, с. 4.
6. САВВА В.И. Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI века. Харьков. 1913, с. 7.
7. Русская историческая библиотека. Т. XVI. СПб. 1897, с. 275—278 (№ 63).
8. ПЕКАРСКИЙ П.П. Известие о молодых людях, посланных Борисом Годуновым для обучения наукам в Англию в 1602 году. — Записки Академии наук. СПб. 1867. Т. II. Кн. 1—2, с. 95.
9. Любек — один из трех вольных ганзейских городов в Германии.
10. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. Т. III. СПб. 1838, с. 265—266, № 184.
11. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сб. документов. М. Л. 1960, с. 43 (№ 13).
12. МУЛЯВИН А.С. Приезд иностранцев в Московское государство: из истории русского права XVI и XVII веков. СПб. 1909, с. 52—54.
13. Русско-шведские экономические отношения в XVII веке, с. 82.
14. Датский архив: материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326—1690 гг. Извлечено Ю.П. Щербачевым. — Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. 1893, с. 145, № 522.
15. АЛЕКСЕЕВ М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII—XVII вв., с. XLVI, 214.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. 1628 г., д. № 5.
17. Датский архив, с. 201, № 733.

18. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н.Н. Обзор внешних сношений России. Ч. 1. М. 1894, с. 216.
19. Датский архив, с. 136, № 486—488.
20. РГАДА, ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. 1636—1638 гг., д. № 6, л. 135.
21. Датский архив, с. 54. № 173.
22. АРСЕНЬЕВ А.В. История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб. 1887, с. 8—9.
23. РГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1617 г., д. № 1, л. 1—8.
24. Датский архив, с. 185, № 678; с. 186, № 680.
25. РГАДА, ф. 53, д. № 1, л. 186об.
26. ОЛЕАРИЙ А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. 1906, с. XXV, 260—261; РГАДА, ф. 50. Сношения России с Голландией. 1684, д. № 10, л. 30.
27. РГАДА, ф. 138. 1642, д. № 4.
28. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Западное влияние в России XVII в. М. 1897, с. 10.
29. GÜNTHER E. Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jh. Diss. phil. der Humboldt Univ., 1965, S. 22.
30. См. об этом: СТРОЕВ С.М. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М. 1841; СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Славянские рукописи Британского музея в Лондоне и Бодлейской библиотеки в Оксфорде. — Известия Археологического общества. СПб. 1872. Т. VII, с. 233—237; КАРАТАЕВ И.П. Описание Славяно-русских книг. — Сборник Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук. СПб. 1862. Вып. XXXIV, № 2; СЫРКУ П.А. Заметки о славянских и русских рукописях в Bodelian Library в Оксфорде. — Известия ОРЯС. Т. VII, № 4. СПб. 1902, с. 325—349 и Т. XII. СПб. 1907, № 4, с. 122—175; БАРИКОТ Дж. Неизвестные русские старопечатные книги, найденные в Англии. — Временник Общества друзей русской книги. Париж. 1938. Т. IV; BARNICOT J.D. and SIMMONS J. S. G. Some Unrecorded Early Printed Slavonic Books in English Libraries. — Oxford Slavonic Papers. 1951. Vis II, p. 98—118; KIELLEBERG L. Catalogue des imprimes slaves des XVI-e — XVII-e, et XVIII-e siècles conservées à la Bibliothèque de l'université Progalie d'Uppsala. Uppsala. 1951; САПУНОВ Б.В. К вопросу о культурных связях России с другими странами в XVI—XVII вв. (По материалам печатных книг). — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ТОДРЛ). М. Л. 1957. Вып. XIII, с. 245—246; ЧЕРЕПНИН Л.В., ШУМИЛОВ В.Н., АЛЕКСАНДРОВА М.И. В исторических архивах Швеции. — Вестник АН СССР. 1959, № 10, с. 82—84; ЧЕРЕПНИН Л.В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. — ТОДРЛ. М.-Л. 1961. Вып. XVII; его же. Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки (Краткий обзор). — Археографический ежегодник за 1961 год. М. 1962.
31. ПЕКАРСКИЙ П.П. Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях по поводу письма Лейбница к Петру Великому 22 января 1715 года. — Записки Академии наук. СПб. 1864. Т. IV, с. 4. По мнению Пекарского, Спарвенфельд подарил папе список с вывезенного им из России «Лексикона» украинских ученых Епифания Славинецкого и Арсения Корещкого. Возможно также, что это был список с «Лексикона славяно-русского», составленного им самим и хранящегося в настоящее время в библиотеке Упсальского университета. См. об этом: ЧЕРЕПНИН Л.В., ШУМИЛОВ В.Н., АЛЕКСАНДРОВА М.И. Ук. соч, с. 84.
32. ЛАРИН Б. А. Парижский словарь москвитов. Рига. 1948, с. 10.
33. См. о нем: SIMMENS J.S.G., UNBEGAUN B.O. Slavonic Manuscript Vocabularies in the Boldeian Library. — Oxford Slavonic Papers. 1951, vol. 2, p. 119—127; GÜNTHER E. Op. cit., p. 20.
34. Fenne's Low German Manual Spoken Russian. Pskov. 1607. Ed. by L. Hammerich, R. Iakobson. Ed. van Schooneveld. Copenhagen. Vol. I. 1961, vol. II. 1970.
35. ЛАРИН Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л. 1959, с. 7, 31, 36—38.
36. ДАНИЛОВ В.В. Сборник песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П.А. Квашнина. — ТОДРЛ. Т. II. М.-Л. 1935; ЛАРИН Б.А. Записная книжка Ричарда Джемса 1618—1619 гг. (Лингвистический анализ). — Научный бюллетень ЛГУ, 1945, № 5, с. 32—34; ПУТИЛОВ Б.Н. Исторические песни. — Русское народное поэтическое творчество. М. Л. 1953. Т. I; МАЛИН М. Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской Академии наук). — Вестник истории мировой культуры. Л. 1957, № 3, с. 102—103.
37. GÜNTHER E. Russische Wörter und Redewendungen in einer Reisebeschreibung von 1673. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität in Berlin. 1965, № 5, S. 757—760.
38. GÜNTHER K. Slavische Handschriften in Deutschland. — Zeitschrift für slavische Philologie. 1960. V. V. № 3, S. 345; GÜNTHER E. Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jh., S. 22.

38. ЯГИЧ И.В. Заметка об одном рукописном словаре немецко-русском XVII-го столетия. — Известия ОРЯС. Т. II. Кн. 1–2. 1897.
39. ЧЕРЕПНИН Л.В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции, с. 471; ФРОЛОВСКИЙ А.В. Первый русский печатный букварь для иностранцев. — ТОДРЛ. Вып. XVII. М.-Л. 1961, с. 484, 487.
40. ЛУДОЛЬФ Г.В. Русская грамматика. Оксфорд. 1696. Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б.А. Ларина. Л. 1937, с. 109, 114. См. также: ЛАРИН Б.А. Разговорный язык Московской Руси. — Начальный этап формирования русского национального языка: Сб. статей. Л. 1961, с. 24, 33.
41. АЛЕКСЕЕВ М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII — XVII вв., с. 54.
42. Россия и Запад: диалог культур. Тезисы конференции. М. 1994; Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-ой международной конференции. М. 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. Сб. статей. М. 1997; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск первый. М. 2000. Выпуск второй. М. 2002.